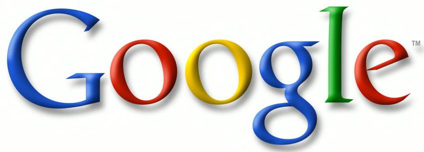

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

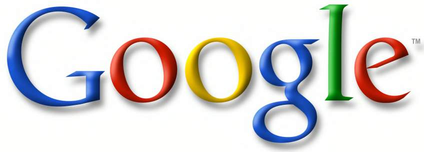
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заиией, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ирииадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ CCCXXIX.

1900.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Наб. Фонтанки, 95.

1900.

Правительственныя распоряженія.

I. Высочайшія повелѣнія 61
II. Высочайшія награды 64
III. Высочайшіе приказы 65
IV. Министерскія распоряженія 75
V. Опредѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. 99
VI. Опредѣленія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. . 109
Открытіе училищъ 112
Отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. 21-е присужденіе премій Императора Петра Великаго 113

Н. В. Шляковъ. О поученіи Владиміра Мономаха. II (*продолженіе*) . 209
А. Л. Погодинъ. Распространеніе культуры въ доисторическія времена 259
М. М. Хвостовъ. Изученіе экономическаго быта древности . . . 281
Г. В. Форстенъ. Къ внѣшней политикѣ великаго курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго 304

Критика и библіографія.

В. А. Бильбасовъ. Немировскій конгрессъ 331
С. Ө. Ольденбургъ. Современный индійскій святой 347
Л. Нидерле. *Miller*, *K. Dr.* Mappae Mundi. Die ältesten Weltcarten. Stuttgart (I. Roth). 1895—1898 354
А. С. Вязигинъ. *Таубе, баронъ.* Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ. X. 1899 . . 363
В. М. Ляпуновъ. Отвѣтъ на рецензію профессора А. И. Соболевскаго 385
А. И. Соболевскій. Отвѣтъ на отвѣтъ Б. М. Ляпунова 401
— Книжныя новости 404

Наша учебная литература.

А. Киселевъ. Систематическій курсъ ариѳметики 25
А. Воиновъ. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе 26
Викторъ Метее. Грамматика французскаго языка 28
A. Plästerer. Lehrbuch der deutschen Sprache für Gymnasien 34
Тоже. Kursus der dritten Klasse . . . . —
М. Эртель. Статьи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій вмѣстѣ съ словаремъ 36
М. Эртель. Hilfsbuch zum praktischen Unterricht der deutschen Sprache . —
М. Эртель. Сокращенная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества . . . . —

Современная лѣтопись.

А. И. Загоровскій. О преподаваніи и изученіи гражданскаго права, въ связи съ нѣкоторыми другими, сюда относящимися вопросами. Глава V (*продолженіе*) 61

(*См. 3-ю стр. обложки*).

РАСПРОСТРАНЕНІЕ КУЛЬТУРЫ ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКІЯ ВРЕМЕНА.

Wenn alle Schicksale mit den Geschlechtern, von denen sie erlebt wurden, in die Erde gesunken sind, bleiben nur die Wanderspuren übrig, welche alle Urgeschichte zur Wandergeschichte machen und langsam die Geschichte in Anthropogeographie übergehen lassen.
Fr. Ratzel, Anthropogeographie, II, 578.

Въ 1790 году небольшая группа матросовъ, возмутившихся противъ капитана Блига, пристала къ Таити, откуда потомъ переселилась на маленькій австралійскій островокъ Питкернъ (130° зап. долг. отъ Гринвича). Здѣсь они основали вмѣстѣ съ 12 таитянками маленькое государство, населеніе котораго въ 1825 году достигло числа 66 человѣкъ. За все время своего существованія колонія не обогатилась ни однимъ изобрѣтеніемъ; она обходилась издѣліями, представлявшими весьма несовершенныя, сдѣланныя на память подражанія европейскимъ вещамъ; къ тому же кое-что изъ европейскаго обихода было совершенно забыто и утрачено; экспедиція Блига предназначалась для перевозки хлѣбнаго дерева на Таити; колонія забыла даже это дерево. Извѣстно, что изъ множества дѣйствительныхъ и вымышленныхъ Робинзоновъ ни одинъ не выдумалъ ничего новаго. Даже пресловутый Ружмонъ, который выдалъ свой романъ за дѣйствительное происшествіе, ограничился приспособленіемъ европейской культуры къ новымъ условіямъ, — и только. Эти два случая указываютъ на то, какъ туго на изобрѣтенія человѣчество. Сколько же времени должно было пройти прежде, чѣмъ человѣкъ научился

добывать огонь, отбивать камень для простѣйшихъ орудій, приготовлять глиняные горшки и т. п. Большое заблужденіе думать, будто дикій умъ наблюдателенъ и любознателенъ: косность и лѣнь его характерныя черты, которыя заставляютъ мысль дикаря идти по разъ проторенному пути, а его самого дѣлаютъ чрезвычайно склоннымъ къ подражанію, основанному на нравственной заразительности, которой современные антропологи приписываютъ такъ много значенія въ жизни дикарей. По мнѣнію Фиркандта („Naturvölker und Kulturvölker". Leipz. 1896, стр. 268), обычай кровавой мести развился путемъ подражанія изъ первоначальной индивидуальной мести, которая служила моментальнымъ и личнымъ отвѣтомъ на внѣшнее раздраженіе. Такимъ же подражательнымъ образомъ долженъ былъ возникнуть и языкъ, который первоначально сводился къ ряду рефлективныхъ восклицаній, служившихъ отвѣтомъ на пріятныя и непріятныя ощущенія. Когда мы говоримъ о происхожденіи языка, мы можемъ быть увѣрены, что намъ не для чего прибѣгать къ гипотезѣ распространенія первоначальнаго языка изъ одного центра, и тѣмъ болѣе неправъ Пеше (Die Arier. Jena 1878), увѣряющій насъ, будто „языкъ могъ возникнуть только при существованіи, достойномъ человѣка, а начало такому существованію положило употребленіе огня" (стр. 80). Дѣло въ томъ, что въ недавнее время американскій психологъ Балдуинъ („Die Entwickelung des Geistes beim Kinde und in der Rasse", 1898) доказалъ, что ребенокъ, мѣсяцевъ 7—8, тянется за яркимъ предметомъ, находящимся отъ него на сравнительно большомъ разстояніи, то-есть, на 10—15 дюймовъ, правой рукой, центръ дѣятельности которой находится въ лѣвомъ полушаріи мозга. Тамъ же лежатъ центры языковой и музыкальной дѣятельности; вслѣдствіе этого рѣчь тѣснѣйшимъ образомъ связана съ жестомъ и подобно тому, какъ намъ не для чего учиться владѣть правой рукой, мы безсознательно произносимъ звуки, восклицанія, изъ сочетанія которыхъ слагался, вѣроятно, первоначальный языкъ, основанный на подражаніи младшихъ старшимъ и подчиненныхъ—вождямъ. Другое дѣло языкъ символическій, гдѣ слова простые символы предметовъ, и гдѣ взаимное пониманіе основывается лишь на изученіи этихъ символовъ. Такой языкъ можетъ передаваться путемъ культурнаго обмѣна, и дѣйствительно въ исторіи человѣчества не разъ случалось, что цѣлый народъ принималъ языкъ другого народа.

Итакъ, обычай кровавой мести, первоначальная форма языка и т. п. могли возникнуть самостоятельно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за-

разъ. То же можно сказать о нѣкоторыхъ обычаяхъ, связанныхъ съ бракомъ, напримѣръ, объ обычаѣ отдаривать жениха на ту же сумму, въ какую можно оцѣнить его подарки невѣстѣ, потому что такое отдариваніе лежитъ въ самой сущности измѣненій экономическихъ условій, при которыхъ былъ необходимъ бракъ куплей. Вообще, въ области умственной жизни народовъ мы не разъ встрѣчаемся со взглядами и обычаями, которымъ можемъ, хотя и не обязаны, приписать самостоятельное зарожденіе; это своего рода generatio aequivoca. Однако, и здѣсь очень опасно преувеличивать его значеніе. Логическія способности дикарей, какъ извѣстно, настолько неразвиты, что очень многія дикія племена еще не пришли даже къ выводу, что всѣ люди смертны, и въ случаѣ естественной смерти человѣка ищутъ среди сосѣдей его врага, который могъ причинить смерть съ помощью оккультныхъ средствъ (подробнѣе объ этомъ см. у М. Бартельса, „Die Medicin der Naturvölker"). Еще менѣе допустимо существованіе такого generatio aequivoca въ области матеріальной культуры. Если мы представимъ себѣ человѣческое общество, никогда не видавшее искусственнаго огня, то мы должны признать однимъ изъ величайшихъ геніевъ человѣчества того человѣка, которому впервые пришло въ голову добыть огонь путемъ тренія двухъ кусковъ дерева. Всѣ открытія Эдисона, подготовленныя успѣхами физики, блѣднѣютъ передъ изобрѣтеніемъ простѣйшаго глинянаго сосуда. Тотъ, кто догадался обложить глиной черепъ, въ которомъ варилъ себѣ пищу (если только правда, что керамика возникла этимъ путемъ), исходилъ изъ совершенно новыхъ опытовъ, нуждавшихся въ острой наблюдательности. Поэтому, уже a priori вызываетъ большое сомнѣніе утвержденіе д-ра Л. Нидерле („Человѣчество въ доисторическія времена". Спб. 1898, стр. 72), что „человѣкъ легко могъ дойти до этого искусства самостоятельно въ разныхъ мѣстахъ". Мнѣ кажется, что гораздо болѣе правъ гр. Уваровъ („Археологія Россіи", стр. 254), который ищетъ единый центръ распространенія глиняныхъ издѣлій и находитъ его въ Азіи. Правда, изъ его наблюденія, что „на азіатскомъ материкѣ начало гончарнаго искусства совпадаетъ съ концомъ мамонтоваго періода", еще не слѣдуетъ, что „начало гончарства въ Азіи встрѣчается задолго до первыхъ слѣдовъ его на европейскомъ материкѣ", не слѣдуетъ потому, что мамонтъ могъ оставаться въ Азіи еще долго спустя послѣ того, какъ вывелся въ Европѣ,—однако, въ принципѣ мнѣніе гр. Уварова представляется мнѣ чрезвычайно вѣскимъ. Переходя къ простѣйшимъ каменнымъ

издѣліямъ, я и здѣсь долженъ противопоставить тому взгляду, по которому первичныя формы могли вездѣ возникать самостоятельно при одинаковыхъ или родственныхъ условіяхъ (A. Götze, Ueber neolithischen Handel. Bastian-Festgruss. 1896, стр. 339 — 340), старое мнѣніе миссъ Беклендъ, высказанное ею въ очень интересной статьѣ „О слѣдахъ торговли въ доисторическія времена“ (The Journal of anthropological Institute. Vol. XIV. London 1885, стр. 6). Она допускаетъ въ сравнительно сложныхъ предметахъ уже каменнаго вѣка вліяніе международныхъ сношеній, которыя еще усилились въ бронзовую эпоху. Я поставилъ бы тезисъ миссъ Беклэндъ въ болѣе рѣзкой формѣ, сказавъ, что всѣ каменныя орудія, столь подобныя въ разныхъ частяхъ свѣта, должны въ концѣ концовъ восходить къ одному центру распространенія. Подтвержденіемъ этой мысли служитъ тотъ замѣчательный фактъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ простѣйшихъ отбивныхъ орудій не найдено, а въ восточныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, какъ думаютъ теперь, палеолитической эпохи не было вовсе. Центръ распространенія простѣйшихъ каменныхъ орудій англійскіе ученые склонны находить въ странѣ Сомали въ Африкѣ (The Journal of the anthropolog. Institute, v. XXVI, London 1896).

Безъ культурнаго обмѣна не можетъ быть культурной общности, не можетъ существовать одинаковаго употребленія предмета. У насъ есть не мало фактовъ, которые краснорѣчиво говорятъ о томъ, до какой степени безпомощенъ дикарь, если его предоставить самому себѣ. Утверждаютъ, что сто лѣтъ тому назадъ полинезійцы, которые уже были хорошо знакомы съ употребленіемъ огня, не знали еще дѣйствія огня на воду (I. Lippert, Die Kulturgeschichte in einzelnen Hauptstücken. 1885, I, стр. 78). Уоллесъ, посѣтивъ островъ Целебесъ и замѣтивъ, что большинство хижинъ туземцевъ покосилось набокъ отъ вѣтра, узналъ, что они еще не открыли употребленія шестовъ для подпорки зданій. Подобнымъ образомъ, жители Калифорніи, употреблявшіе массу труда и копавшіе цѣлыя мины для добычи мыльнаго камня, не обращали ни малѣйшаго вниманія на золото, лежавшее въ большихъ массахъ почти на поверхности земли; до 1817 года, когда его открыли европейцы, туземцы просто не знали о золотѣ, покрывавшемъ ихъ территорію. Ратцель (Anthropogeographie, II, стр. 711) указываетъ еще на одно интересное явленіе, состоящее въ томъ, что европейское вліяніе вовсе не наталкиваетъ туземцевъ на самостоятельное развитіе новаго въ примѣненіи къ мѣстнымъ усло-

віямъ, а только приводитъ къ плохимъ подражаніямъ. Духъ творчества не поощряется, а напротивъ ослабляется имъ.

Сказанное о дикаряхъ въ значительной степени примѣнимо и къ намъ. Мы такъ чванимся своей культурой, что совсѣмъ забываемъ, чѣмъ мы обязаны нашимъ отдаленнымъ предкамъ, которые обогатили доисторическую жизнь человѣчества длиннымъ рядомъ важнѣйшихъ открытій, восходящихъ къ эпохѣ младшаго каменнаго вѣка. Послѣ него не приручено ни одного домашняго животнаго, культивировано очень мало новыхъ полезныхъ растеній. Въ доисторическія же времена распространилось среди человѣчества то, что Ратцель называетъ „общимъ обладаніемъ“ его, и перечисленіе чего представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ его замѣчательной книги. „Въ продолженіе тысячелѣтій“, говоритъ онъ, „въ оборотѣ находился одинъ и тотъ же капиталъ культурныхъ пріобрѣтеній; его незначительная сумма росла очень медленно, и въ основѣ нашей культуры лежитъ многое, что роднитъ ее съ культурой каменнаго вѣка“ (стр. 692). Говоря о послѣдней, какъ объ одномъ цѣломъ, мы имѣемъ въ виду ея замѣчательную близость въ разныхъ мѣстахъ Европы, за предѣлы которой мы выходить не будемъ. Чѣмъ достигалась эта близость: торговлей или передвиженіями племенъ? Если мы разсмотримъ сумму культурныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ человѣчествомъ отъ его появленія въ Европѣ до знакомства съ металлами, то мы увидимъ, что время, потребное для этого, должно было быть очень велико, или же придется допустить внезапную смѣну палеолитическаго населенія неолитическимъ, и тогда ту же исторію открытій нужно будетъ перенести въ Азію. Во всякомъ случаѣ, за предѣлами исторіи лежитъ очень глубокая древность. „Герои были до атридовъ, но время скрыло ихъ отъ насъ!“ можно повторить при взлядѣ на тѣ культурныя завоеванія, для изученія послѣдовательности которыхъ у насъ зачастую нѣтъ никакихъ данныхъ. Въ продолженіе тысячелѣтій и десятковъ тысячелѣтій культура могла оставаться совершенно одинаковой; племя, переходя съ мѣста на мѣсто, вездѣ оставляло свои слѣды въ видѣ остатковъ пищи и орудій; изслѣдователь, находя ихъ, предполагаетъ, что въ древности страна была довольно густо заселена, и ея населеніе стояло почти на одной ступени развитія (M. de Nadaillac, Moeurs et monuments des peuples préhistoriques. Paris 1888, стр. 190). Забывая этотъ способъ распространенія культуры, остается сдѣлать одинъ шагъ до утвержденія, что болѣе сложныя издѣлія распространялись всегда путемъ торговаго обмѣна. Я, со своей стороны, не со-

мнѣваюсь, что для всѣхъ такихъ издѣлій слѣдуетъ предположить одинъ первоначальный центръ распространенія, но я вижу разные способы распространенія и думаю, что иногда они могли разноситься одной ордой въ разныя мѣста.

Однако можно ли говорить о кочеваніи цѣлой орды въ палеолитическую эпоху? Здѣсь мнѣ невольно приходится затронуть вопросъ объ этнографическомъ составѣ ея населенія. Было ли оно предками эскимосовъ или нѣтъ (а за это говоритъ многое: сходство ядентовыхъ и нефритовыхъ издѣлій, сходство орнаментовъ и мн. др.), во всякомъ случаѣ, въ охотѣ за сѣвернымъ оленемъ, за мамонтомъ и дикой лошадью оно должно было держаться сообща. Что касается эпохи неолитической, то въ это время человѣчество уже научилось земледѣлію и скотоводству и селилось деревнями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, представлявшихъ, какъ думаютъ, стоянки палеолитическаго человѣка, каменныя издѣлія найдены въ такомъ множествѣ, что возникаетъ мысль, не были ли эти стоянки мастерскими, снабжавшими своими отбивными орудіями окрестное населеніе? Въ одной пещерѣ (Cottes на берегу Gartampe) найдено болѣе 120 килограммовъ кремневыхъ издѣлій въ перемежку съ костями мамонта и носорога, въ другой (Petit Morin) оказались двѣ тысячи наконечниковъ стрѣлъ, въ знаменитой Тайнгенской пещерѣ кремневыхъ издѣлій до 12.000; въ окрестностяхъ Grez въ Бельгіи маркизъ Вавренъ нашелъ около 60 тысячъ отбивныхъ орудій; Мортилье добылъ въ С. Ашелѣ до 25 тысячъ кремневыхъ издѣлій. Таково же богатство другихъ мастерскихъ, раскинутыхъ по всей Европѣ. „Кухонныя кучи", которыя тянутся въ Даніи на протяженіи до 300 метровъ и достигаютъ высоты 3 метровъ, еще очень близки по найденнымъ въ нихъ предметамъ къ культурѣ древнѣйшаго каменнаго вѣка, а между тѣмъ и онѣ указываютъ на племенной характеръ быта палеолитическаго человѣка. Переходя къ новѣйшему каменному вѣку, мы уже не встрѣчаемъ среди ученыхъ сомнѣнія въ томъ, что часть его мастерскихъ удовлетворяла прямо потребностямъ сбыта. Такова, напр., мастерская въ Mesvin въ Бельгіи. „Тамъ, чтобы добраться до кремня, приходилось копать колодцы сквозь послѣтретичные и третичные пласты до залежей мѣла, а затѣмъ дѣлать въ этихъ залежахъ довольно обширные подземные ходы. Подобная громадная мастерская, на пространствѣ около 25 десятинъ была найдена въ Spienres въ Бельгіи; въ окрестностяхъ ея E. de Munk нашелъ еще цѣлый рядъ меньшихъ стоянокъ" (Л. Нидерле, стр. 77).

Если существовалъ обмѣнъ въ области кремневой культуры, то онъ долженъ былъ касаться и другихъ предметовъ. И дѣйствительно, въ палео- и неолитическихъ стоянкахъ найдено немало предметовъ иноземнаго происхожденія. Часть ихъ могла явиться на новыя мѣста съ передвиженіемъ ихъ владѣльцевъ, другая часть обязана своимъ появленіемъ здѣсь, несомнѣнно, торговымъ сношеніямъ людей,—говорю несомнѣнно потому, что предметами обмѣна служили украшенія, имѣющія такую обаятельную силу въ глазахъ всѣхъ дикарей. Я не буду давать полнаго перечня этихъ предметовъ (см. M. Hoernes, Die Urgeschichte des Menschen. 1891, стр. 152; Ad. Müller, Vorgeschichtliche Kulturbilder aus der Höhlen- und älteren Pfahlbautenzeit. Bühl. 1892, стр. 126; Schrader, Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Waarenkunde. Jena 1886, стр. 65—66; M. de Nadaillac, loc. cit., стр. 199—201). Ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: первая характеризуется матеріаломъ, вторая заключающейся въ предметѣ идеей. Поэтому къ первой относятся издѣлія изъ кремня въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его нѣтъ (напр. на островѣ Эльбѣ, въ бельгійскихъ пещерахъ, въ Бретани и на островѣ Мэнѣ), или издѣлія изъ халцедона въ Бельгіи, изъ обсидіана въ Италіи, изъ особаго вида кремня въ Hennegau и т. д.; наконецъ, сюда надо отнести всѣ орудія изъ нефрита, ядеита и хлоромеланита, которыя приходили изъ Азіи, попадали и въ Америку; однако въ виду спорности вопроса о географическомъ происхожденіи этихъ минераловъ ихъ не слѣдуетъ пока брать въ расчетъ при разсужденія о доисторической торговлѣ [1]). Къ другой группѣ предметовъ я отношу раковины дальнихъ отъ мѣста нахожденія морей. Раковины заключаютъ въ себѣ особый этнографическій интересъ: съ самыхъ отдаленныхъ временъ и до нашихъ дней онѣ служатъ излюбленными украшеніями у дикихъ племенъ и въ качествѣ таковыхъ играютъ роль монеты. Раковина *каури* (Cypraea moneta) занимаетъ по своему значенію первое мѣсто среди раковинъ (см. W. Ridgeway, The origin of metallic currency and weight standards. Cambrigde 1892). Она распространена на берегахъ

---

[1]) Ср. напр. слова A. Arcelin'a въ Compte-rendu du troisième Congrès scientifique international des catholiques. 8 section. Bruxelles 1895, стр. 68. On a acquis la certitude que des outils en néphrite et en jadéite ont été fabriqués sur place dans les stations de la Suisse et ailleurs. Les explorateurs ont en effet retrouvé, sur plus d'un point, les déchets de fabrication. De plus, on a découvert des gisements de néphrite en Silésie, et on a reconnu que la composition des jadéites n'est pas la même en Europe qu'en Asie.

Африки, въ Остъ-Индіи, Сіамѣ; уже очень рано она попала въ Ниневію, въ развалинахъ которой ее нашелъ Лаяръ (Layard), а въ Китаѣ она служила монетой не только въ глубокой древности, но и еще во времена Марко Поло. И вотъ оказывается, что па берегахъ Балтійскаго моря найдены урны съ этими раковинами; въ неолитической пещерѣ Оверни ожерелье изъ каури украшало останки человѣка. Съ другой стороны, въ пещерахъ южной Франціи были найдены раковины изъ арктическихъ морей. Я уже не упоминаю о множествѣ раковинъ изъ Атлантическаго океана и Средиземнаго моря, которыя оказались въ пещерахъ Средней Европы, отдаленныхъ отъ морскаго берега. Онѣ могли попасть сюда путемъ непосредственнаго передвиженія племени. Остается сказать нѣсколько словъ о янтарѣ, о которомъ еще будетъ рѣчь ниже. Весь янтарь, который дошелъ до насъ отъ доисторическихъ временъ, ведетъ свое происхожденіе, повидимому, съ береговъ Балтійскаго и Сѣвернаго морей. Въ эпоху неолитическую торговля имъ была уже значительно развита, но указать пути, которыми янтарь проникъ къ Боденскому озеру и въ Швейцарію, невозможно за отсутствіемъ промежуточныхъ станцій (Götze, loc. cit., стр. 353). Теперь для насъ важно то, что начало торговли янтаремъ, можетъ быть, восходитъ къ палеолитической эпохѣ: Надэльакъ отмѣчаетъ, что пять кусковъ его найдены въ пещерѣ d'Aurensan, близъ Bagnères-de-Bigorre, населеніе которой восходитъ къ эпохѣ древнѣйшаго каменнаго вѣка. Кромѣ торговли предметы могли распространяться въ доисторическія времена особеннымъ путемъ, на который указываетъ г. Зиберъ въ своихъ „Очеркахъ первобытной экономической культуры" (стр. 258), говоря объ австралійцахъ. „Когда извѣстные предметы пищи, матеріалы для оружія и т. д. добываются только въ спеціальной мѣстности, то по временамъ назначаются общіе пропуски, дающіе право всѣмъ племенамъ придти въ ту мѣстность, безъ нанесенія обиды племени, обитающему въ ней, или тѣмъ племенамъ, черезъ страну которыхъ необходимо проходить для достиженія ея. Въ видѣ иллюстраціи Лангъ, (The aborigenes of Australia. 1865) приводитъ сборъ „бунна-бунна",—сосновыхъ шишекъ въ Куинсландѣ. Сосна „бунна-бунна" производитъ весьма крупныя шишки, ради которыхъ черезъ каждые три, четыре года всѣ племена сбѣгаются сюда съ большаго разстоянія. Сверхъ того, къ той же категоріи предметовъ относится родъ земляники — „курнъ", который растетъ въ большомъ количествѣ на песчаныхъ холмахъ и по теченію рѣки Гланели. Всѣ сосѣднія пле-

мена имѣютъ право приходить сюда и дѣйствительно являются въ большомъ числѣ, когда ягода созрѣетъ. Холмъ внутри округа Сиднея, на которомъ добывается особенный родъ весьма твердаго камня, пригоднаго для изготовленія каменныхъ томогавковъ, служилъ предметомъ подобнаго же права; такова же была одна каменоломня песчаника у С. Кильда, близъ Мельбёрна, которая была въ особенности пригодна своимъ матеріаломъ для полировки и изготовленія каменныхъ томогавковъ".

Можетъ ли быть вопросъ о торговлѣ у народа, во всякомъ случаѣ, первобытнаго, дикаго? Мнѣ кажется, что вопросъ надо бы измѣнить, поставивъ такимъ образомъ: существуютъ ли племена безъ торговли, подразумѣвая подъ этой послѣдней обмѣнъ необходимыми или привлекательными предметами. Такая торговля можетъ практиковаться и при существованіи, недостойномъ, по выраженію Пеше, человѣка, т. е. у народа, не знающаго употребленія огня: таковы были жители острова Фануа-Лоа, когда онъ былъ открытъ европейцами въ 1814 году. Одинъ изъ участниковъ экспедиціи описываетъ туземцевъ высокими и стройными людьми, прекрасно строившими свои жилища и лодки, владѣвшими изящными и отлично украшенными рыболовными снастями и домашней утварью. Они съ увлеченіемъ занимались мѣновой торговлей; между тѣмъ они еще не дошли до употребленія каменныхъ орудій, такъ какъ камня на ихъ коралловомъ островѣ не было, а ихъ незнакомство съ огнемъ было такъ велико, что искра отъ удара кремня и дымъ сигары пугали ихъ не менѣе громового удара.

III. Летурно въ своей занимательной, но очень поверхностной книгѣ: „L'évolution du commerce dans les diverses races humaines" (Paris 1897) утверждаетъ, что существуютъ племена, не имѣющія ни малѣйшаго понятія объ обмѣнѣ, и въ доказательство своей мысли приводитъ нѣсколько примѣровъ. У обитателей Огненной земли, фиджійцевъ, онъ хочетъ видѣть въ такомъ обмѣнѣ добровольную мѣну подарками; но разъ мѣна происходитъ каждый разъ, когда другая сторона предлагаетъ достаточно цѣнный подарокъ, то здѣсь уже нужно видѣть нѣчто закономѣрное, нѣчто установленное обычаемъ. Въ 1765 году капитанъ Байронъ столкнулся съ фиджійцами, которые выѣхали въ своихъ жалкихъ ладьяхъ изъ коры навстрѣчу его кораблю: европейцы дали имъ кое-какіе блестящіе пустяки, въ обмѣнъ за что туземцы предложили свои луки и стрѣлы. Дарвинъ, путешествовавшій въ этихъ мѣстахъ лѣтъ семьдесятъ спустя, разсказываетъ

слѣдующее: „я далъ одному человѣку большой гвоздь, подарокъ по этимъ мѣстамъ весьма крупный; въ обмѣнъ я не просилъ у него ничего, но тотъ сейчасъ же выбралъ пару рыбъ, которую протянулъ мнѣ на концѣ своего копья". Уже эта самая формальность указываетъ еще ярче на закономѣрный характеръ обмѣна. Вообще, въ обмѣнѣ подарками между хозяиномъ и гостемъ, практиковавшемся у древнихъ народовъ, Шрадеръ (loc. cit., стр. 10) очень остроумно находитъ остатокъ такой же мѣновой торговли [1]).

Еще болѣе Летурно увѣренъ въ отсутствіи торговли у австралійцевъ; въ этомъ съ нимъ сходится такой серьезный ученый, какъ Риджевей. Поэтому доводы Летурно нужно разсмотрѣть поподробнѣе. Прежде всего слѣдуетъ напомнить ту аксіому, что при тожествѣ инвентаря двухъ хозяевъ мѣняться имъ нечѣмъ; поэтому мѣна можетъ состояться лишь тамъ, гдѣ обѣ стороны находятъ одна у другой такія вещи, какихъ у нихъ нѣтъ, но какія имъ хотѣлось бы имѣть. Можно ли удивляться словамъ Летурно, что и теперь еще у племенъ, не подвергшихся сильному европейскому вліянію, „обмѣны очень рѣдки, какъ между членами одного племени, такъ и между различными племенами": вѣдь самъ же онъ прибавляетъ, что иногда „въ обмѣнъ за табакъ или тамагавки туземцы отдаютъ свое оружіе и даже женъ". „Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ европейскими городами дѣло скоро принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ". Такимъ образомъ у Летурно остается одно доказательство въ пользу своей теоріи, разсказъ Кука о той неудачѣ, которая постигла его попытку завязать мѣновыя сношенія съ туземцами. Австралійцамъ, забравшимся на его

---

[1]) *J. Kohler*, Rechtsvergleichende Skizzen. (*Zeitschr. f. vergleichende Rechtswissenschaft* VIII B. 1888, стр. 86). Das Laungild bei den Tlinki-Indianern. Schon an anderer Stelle habe ich hervorgehoben: der ursprüngliche Gedanke der Völker war der, dass eine Gabe nur durch Gegengabe gefestigt werden kann; die Idee, dass auch eine einseitige Schenkung gültig ist, hat sich viel später entwickelt, als die Idee der Gültigkeit des gegenseitigen Geschäfts. Zum Beweise habe ich mich auf die Feuerländer und auf deren Beobachter, Darwin, bezogen. Eine andere eklatante Bestätigung gewähren die Tlinkit-Insulaner. (*Krause*, S. 168. 312): Wer Geschenke gibt, erwartet stets eine Gegengabe; daher ist Jeder misstrauisch, der eine Gebe empfangen soll. Aehnlich ist es bei den Haidas auf den Charlotteninseln. О томъ, какъ долго можетъ существовать мѣновая форма торговли, говоритъ существованіе мѣновой торговли (глиняными горшками) у литовцевъ въ Пружанахъ. См. замѣтку Г. Зелинскаго въ журналѣ „Wisła", т. XIII, стр. 562.

корабль, были предложены разныя бездѣлушки, гвозди, стеклышки, бумага, матерія и т. д.; все это они взяли безъ всякихъ признаковъ удовольствія, а потомъ одинъ изъ спутниковъ Кука нашелъ ихъ на берегу сваленными въ кучу. Очевидно, эти вещи были не нужны и не понятны туземцамъ. „Наконецъ, разсказываетъ Кукъ, одинъ изъ нашихъ людей предложилъ имъ маленькую рыбку; по поводу этого подарка они выразили большую радость и, показывая намъ знаками, что они отправляются за своими товарищами, отплыли къ берегу". Другой разъ ихъ привели въ восхищеніе жареныя черепахи, которыя они сначала просили у матросовъ, а потомъ старались отнять, не предлагая ничего въ обмѣнъ. Не слишкомъ ли скоро заключать изъ этой дѣтской вспышки дикаря объ его неумѣніи мѣняться? Это могла быть просто недогадливость. Самъ же Летурно приводитъ въ высшей степени интересное сообщеніе. „Иногда между племенами практиковались рѣдкіе случаи обмѣна. Такъ у одной орды, *которая сохранила большую часть древнихъ обычаевъ*, лишь одно лицо имѣетъ право вести для всѣхъ своихъ мѣновой торгъ съ той или другой сосѣдней ордой. На эту общественную должность его посвящали съ младенчества, сохраняя его пуповину въ пучкѣ перьевъ. Этотъ предметъ назывался Kalduke, и отецъ представлялъ его (разумѣется, съ другой стороны исполнялось то же) отцу другого ребенка, принадлежавшаго ордѣ, съ которой хотѣли вступить въ торговыя сношенія. Эти дѣти, будущіе торговые агенты, носили особенное названіе (ня-нямна). Достигнувъ зрѣлаго возраста, они становились торговыми посредниками своихъ ордъ или племенъ". При такой сложной организаціи торговыхъ сношеній, конечно, нельзя и думать, что австралійцы познакомились съ обмѣномъ только недавно. Съ другой стороны, вышеприведенный разсказъ замѣчательнымъ образомъ подтверждаетъ старое предположеніе А. Кона, что первоначально торговля велась не отдѣльными лицами по ихъ произволу, но цеховымъ образомъ (zunftgemäss). А. Конъ не былъ теоретическимъ археологомъ; съ телѣгой и лошадью онъ объѣздилъ чуть не всю Сибирь, торгуя въ самыхъ глухихъ закоулкахъ; поэтому его предисловіе къ книгѣ Садовскаго: „Die Handelsstrassen der Griechen und Römer" (Jena 1877) заключаетъ много очень вѣрныхъ и любопытныхъ наблюденій о торговомъ бытѣ некультурныхъ народовъ.

Чтобы покончить съ обзоромъ торговли у дикарей, прибавлю, что у цейлонскихъ веддаховъ и эскимосовъ существуетъ правильный мѣновой торгъ, а эскимосы даже изготовляютъ нѣкоторые предметы съ

единственной цѣлью сбыта ихъ краснокожимъ. Въ заключеніе я приведу еще одну цитату изъ уже названной книги Ратцеля (стр. 598): „если время, измѣрить которое мы не въ состояніи за отсутствіемъ письменныхъ документовъ, мы замѣнимъ пространствомъ, то уже распространеніе извѣстнымъ образомъ улучшеннаго лука отъ Китая до Гренландіи показываетъ непрерывность распространенія даже мелкаго варіанта, маленькаго приростка, если можно такъ выразиться, къ разошедшейся по всему міру идеѣ лука". Благодаря торговымъ сношеніямъ, которыя производятся цеховымъ образомъ, и въ глубокой древности, и у дикарей нѣкоторыя ремесла (особенно, металлическій отдѣлъ) являются спеціальностью опредѣленныхъ сословій. Ратцель (loc. cit., стр. 636) видитъ яркій примѣръ такого заноса у фиджійцевъ, гдѣ горшечное ремесло находится всецѣло въ рукахъ женъ рыбаковъ, которыя въ отсутствіи мужей научились этому дѣлу у заѣзжихъ торговцевъ.

Итакъ, по аналогіи отъ дикарей къ обладателямъ каменной культуры въ Европѣ мы можемъ говорить о торговлѣ уже въ эту эпоху. Вполнѣ возможное опредѣленіе торговыхъ путей этого времени имѣетъ слишкомъ спеціальное значеніе и завело бы насъ слишкомъ далеко. Поэтому ограничимся обзоромъ тѣхъ культурныхъ завоеваній, которыя распространились среди человѣчества до его ознакомленія съ металлами, распространились при помощи торговыхъ сношеній племенъ или вмѣстѣ съ ихъ передвиженіями.

Прежде всего передъ нами огонь, котораго человѣкъ древнѣйшей каменной эпохи, вѣроятно, еще не зналъ. Есть и теперь племена, незнакомыя съ его употребленіемъ; но это незнакомство связано, можетъ быть, съ тѣмъ фактомъ, что переселенцы позабыли способъ его разведенія или затушили неугасимый огонь, который они носили съ собой. Этотъ неугасимый огонь, играющій такую видную роль въ религіозныхъ обрядахъ старыхъ и новыхъ народовъ, восходитъ въ своемъ первоисточникѣ къ обычаю дикарей переносить огонь съ собой. Такъ, австралійцы разсказываютъ, что огонь къ нимъ занесли когда-то въ стеблѣ растенія Xanthorrhoea (изъ породы лилій) съ востока (съ одного изъ вулканическихъ острововъ, по предположенію Гернеса). Но переносъ огня не единственный способъ его распространенія; большинство дикарей умѣетъ добывать его при помощи весьма простого прибора, состоящаго изъ сверла, дощечки и пучка сухихъ травъ, который вспыхиваетъ, когда на него попадаетъ искра. Какъ ни простъ этотъ приборъ, онъ не могъ, по справедливому замѣчанію Л. Гей-

гера („Zur Entwickelungsgeschichte der Menschheit", 1878, стр. 94), появиться самостоятельно въ нѣсколькихъ мѣстахъ заразъ. „Заразительная сила идей больше и въ доисторическія времена изоляція народовъ менѣе велика, чѣмъ думаютъ часто", прибавляетъ этотъ ученый. И дѣйствительно, сверло распространено отъ Индіи и Австраліи до Южной Америки и старой Мексики. Легенды связываютъ начало употребленія огня всегда съ отдѣльнымъ лицомъ. Миѳъ о Прометеѣ показываетъ все значеніе этого открытія. Очевидно, что первый человѣкъ, который, не испугавшись, какъ дикій звѣрь, огня, понялъ, на что онъ можетъ быть годенъ, обладалъ тѣмъ даромъ творчества, благодаря которому личность пріобрѣтаетъ такое значеніе въ исторіи.

Я не буду говорить о лукѣ и стрѣлахъ, наконечники которыхъ— постоянная находка археологовъ въ палеолитическихъ отложеніяхъ, о рыболовныхъ снастяхъ и принадлежностяхъ ткацкаго станка, которыя мы унаслѣдовали отъ временъ неолитическихъ; я перейду къ культурнымъ растеніямъ и домашнимъ животнымъ. Послѣдніе годы обогатили науку рядомъ прекрасныхъ изслѣдованій о доисторической флорѣ и фаунѣ, и мы можемъ теперь дать связный обзоръ тѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній, которыя человѣчество сдѣлало въ этихъ областяхъ до ознакомленія съ металлами. Руководящей нитью въ этомъ обзорѣ намъ послужитъ книга Бушана: „Vorgeschichtliche Botanik der Cultur und Nutzpflanzen der alten Welt auf Grund prähistorischer Funde" (Breslau 1895) и Эдуарда Гана: „Die Hausthiere" (Leipzig 1896).

Собака—первый другъ человѣка, древнѣйшій помощникъ его въ борьбѣ съ суровыми условіями жизни. Ея прирученіе предшествовало прирученію всѣхъ другихъ животныхъ, но имѣло ли оно характеръ принудительный, очень сомнительно. Гану принадлежитъ честь примѣненія къ исторіи культуры стараго наблюденія зоологовъ, что животныя, находясь въ плѣну, становятся безплодными, и стало быть размноженіе дикихъ звѣрей, пойманныхъ охотникомъ, само по себѣ невозможное, не могло привести къ ихъ прирученію. Такимъ образомъ, старая схема культурной исторіи, со своими тремя стадіями бытовой эволюціи (охотники, номады—скотоводы и земледѣльцы), рушится передъ неопровержимыми фактами зоологіи. Собака, потомокъ волка, въ неолитическую эпоху была извѣстна въ двухъ породахъ, которыя являются уже въ кухонныхъ кучахъ Даніи. Ганъ думаетъ, что она приручилась сама, происходя отъ волчатъ, которые, пойманные охотникомъ, кормились у груди его жены и выростали на свободѣ

наравнѣ съ его дѣтьми; впослѣдствіи, собака становилась его добровольнымъ товарищемъ, компаньономъ въ общемъ дѣлѣ. Мнѣ кажется, что въ связи съ этой исконной ролью собаки стоитъ масса легендъ, прославляющихъ собаку или приписывающихъ ей особое, мистическое значеніе. Сѣвероамериканскіе индѣйцы приписываютъ себѣ происхожденіе отъ собаки, которая умѣла превращаться въ прекраснаго молодого человѣка (A. Lang, Mythes, cultes et réligion. Paris 1896, стр. 112); алеуты думаютъ, что не только ихъ, но и весь міръ сотворила собака (loc. cit., стр. 177). Такое же происхожденіе приписывали себѣ даже нѣкоторые европейскіе народы, не говоря уже о разсказахъ китайцевъ о царствѣ собакъ и т. п. легендахъ (см. F. Liebrecht, Zur Volkskunde. Heilbronn 1879, стр. 19—23). Въ статьѣ Либрехта, къ которой я и отсылаю читателя, собрано много данныхъ о религіозномъ значеніи собаки у индоевропейцевъ. „Собака охраняетъ дорогу на тотъ свѣтъ; это общее всѣмъ арійскимъ народамъ вѣрованіе, слѣды котораго встрѣчаются у индусовъ, грековъ и германцевъ; взглядъ собаки пугаетъ злого духа". Въ Новой Зеландіи и въ Америкѣ собака также служитъ стражемъ въ подземномъ царствѣ. Наконецъ, изреченіе Авесты: „міромъ управляетъ умъ собаки" показываетъ, какъ высоко и въ этомъ отношеніи первобытный человѣкъ, особенно, скотоводъ, ставитъ собаку.

Когда человѣкъ съ помощью своего вѣрнаго товарища, собаки завелъ постоянное жилище и перешелъ отъ охоты къ земледѣлію, взрывая свое поле вѣткой дерева или каменнымъ топоромъ, тогда наступила пора прирученію и другихъ животныхъ. Среди нихъ первое мѣсто въ отношеніи древности да и пользы занимаетъ рогатый скотъ. Ганъ отмѣчаетъ, что вездѣ, куда ни проникъ рогатый скотъ, отъ него ищутъ почти одного и того же. При этомъ рогатый скотъ настолько служитъ основаніемъ всей нашей земледѣльческой культуры, что остальныя полезныя домашнія животныя являются только его спутниками. Остальныхъ домашнихъ животныхъ научились приручать, содержать и цѣнить только послѣ того, какъ рогатый скотъ далъ образецъ и мѣру экономической цѣнности домашнихъ животныхъ. При вопросѣ о распространеніи его приходится особенно напирать на существованіе одного центра, такъ какъ идея эксплоатаціи его, опредѣленіе его цѣнности оказываются тожественными отъ Ирландіи до Явы и отъ Китая до Южной Африки. Конечно, встрѣчаются и отступленія: то тамъ, то сямъ часть представленій, связывавшихся въ исходной об-

ласти съ культурой коровы, утерялась, но это и указываетъ на единый центръ распространенія, гдѣ съ началомъ прирученія скота былъ связанъ опредѣленный кругъ идей. Корову запрягаютъ въ плугъ, ея мясо ѣдятъ и молоко пьютъ, ея навозомъ удобряютъ землю. Какъ могъ додуматься человѣкъ до употребленія въ пищу коровьяго молока? Ганъ не сомнѣвается, что въ основѣ этой культуры лежитъ употребленіе коровы съ религіозной цѣлью. Въ Месопотаміи, гдѣ былъ развитъ культъ луны, этого двурогаго странника ночи, въ особыхъ отгороженныхъ лѣсахъ водились и размножались посвященныя ей животныя, двурогія коровы; ихъ разводили для того, чтобы имѣть всегда подъ руками жертвенное животное, а коровы мало-по-малу привыкали къ человѣку. Онѣ везли во время процессій богини повозку съ ея изображеніемъ, ихъ молоко играло роль на богослуженіяхъ. Потомъ это животное стали употреблять и для профанныхъ цѣлей: для паҳотьбы и для собственнаго пропитанія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ построеніяхъ Гана много искусственнаго, на что и указалъ въ своей статьѣ Фиркандтъ (Zeitschrift für Socialwissenschaft 1899. Heft II, стр. 81—97). Этотъ же ученый приводитъ чрезвычайно любопытный фактъ въ подтвержденіе своей мысли, что въ основѣ культуры рогатаго скота лежатъ все-таки побужденія религіозныя, хоть и другого рода, чѣмъ думаетъ Ганъ. Именно, въ западной части Африки, въ городѣ Дагоме возвышается храмъ змѣй, въ которомъ содержится огромное множество змѣй въ полуручномъ состояніи. Въ этомъ случаѣ мотивомъ прирученія является желаніе присвоить себѣ сверхъестественную силу, которую дикарь влагаетъ въ змѣю; но я очень сомнѣваюсь, чтобы этимъ же мотивомъ руководилось человѣчество, приручая животное, вовсе не такое губительное и отвратительно-мистическое, какъ змѣя. Мнѣ думается, что такое прирученіе могло совершиться очень мирно, исподволь и не носить никакой религіозной окраски. Я знаю, что даже у номадовъ корову ѣдятъ только въ рѣдкихъ случаяхъ (объ этомъ въ другомъ очеркѣ), и придаю весьма большое значеніе тому явленію, на которое и Ганъ, и Фиркандтъ обратили слишкомъ мало вниманія, и которое оцѣнено, какъ слѣдуетъ, только англійскимъ ученымъ Риджевеемъ,—именно, употребленію коровы въ смыслѣ единицы цѣнности. Таковой она была у древнихъ семитовъ, у грековъ въ гомеровскія времена, у иранцевъ, индусовъ и еще очень многихъ народовъ. „Слѣдуетъ напомнить читателю“, говоритъ Риджевей (стр. 52): „что область, занятая скотоводческими племенами, тянулась безъ перерыва. Между

Индіей и Персіей, Персіей и Мидіей, Мидіей и Месопотаміей, или же между Персіей и Арменіей, Арменіей и Скиѳіей, обитатели которой разъѣзжали по равнинамъ Южной Россіи въ повозкахъ, запряженныхъ быками: между всѣми этими странами нѣтъ ни одной непроходимой преграды. Скиѳы приходили въ соприкосновеніе съ племенами Балканскаго полуострова, которыя въ свою очередь находились въ сношеніяхъ съ греками и обитателями Дунайской долины, а тѣ подавали руку народамъ Италіи, Гельвеціи и Галліи. Вслѣдствіе этого цѣнность рогатаго скота могла быть болѣе или менѣе постоянной отъ одного конца этой области до другого". Здѣсь же проходила древнѣйшая торговая дорога, углублявшаяся въ центръ Азіи, къ Хотану и источникамъ Тарима. Сюда, какъ полагаетъ Томашекъ, проникъ за много лѣтъ до Геродота греческій путешественникъ, Аристей изъ Проконнесса. Этимъ же путемъ въ Европу проникли, повидимому, и древнѣйшія культурныя растенія, просо и пшеница, и домашнія животныя, прирученныя послѣ коровы; пришло въ Европу только искусство скотоводства, между тѣмъ какъ животныя, подвергшіяся прирученію, водились здѣсь въ дикомъ состояніи уже въ эпоху палеолитическую.

Одной изъ первыхъ спутницъ коровы была коза, родина которой находилась въ Персіи и въ Малой Азіи; изъ Азіи же явилась коза и въ Африку, къ练неграмъ, у которыхъ она зачастую оказывается единственнымъ полезнымъ животнымъ. Въ основѣ шерстяной промышленности лежитъ обработка козьяго мѣха, въ Египтѣ овца позже козы (въ Америку обѣ онѣ попали только съ европейцами); данныя миѳологіи также подтверждаютъ права козы на старшинство передъ овцой, родина которой, по мнѣнію Гана, находится въ Малой Азіи и Персіи. Здѣсь до сихъ поръ водится въ дикомъ состояніи порода Ovis orientalis, та порода, которая въ соединеніи съ другими видами дала нашу домашнюю овцу. Главная приманка овцы заключалась въ ея жирномъ курдюкѣ, о которомъ Ганъ находитъ упоминаніе уже въ 3 книгѣ Царствъ (гл. III ст. 9). Свинья была приручена въ очень древнее время; Ганъ предполагаетъ на основаніи общаго семитамъ запрещенія ѣсть свиное мясо, что мѣстомъ ея прирученія была Месопотамія; у папуасовъ Новой Гвинеи и у никобаровъ ея культура отличается нѣкоторыми особенностями (самцовъ холостятъ, а самокъ спариваютъ съ дикими кабанами), въ Китаѣ же она, можетъ быть, въ значительной степени развилась самостоятельно.

Остается сказать нѣсколько словъ о лошади. Уже въ отложеніяхъ палеолитической эпохи найдены остатки осла (*Arcelin.* loc. cit. стр. 63), и поэтому возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ культура лошади къ культурѣ осла. Послѣдній представляетъ большую загадку: его названіе въ греческомъ и латинскомъ языкахъ происхожденія, вѣроятно, семитскаго, и въ Европу онъ проникъ, должно быть, инымъ торговымъ путемъ. По своему культурному значенію оселъ предшествуетъ лошади, которая, попавъ въ хозяйство человѣка, переняла на себя обязанности осла, то-есть стала носить и возить тяжести. Въ началѣ эпохи классической древности лошадь только возила; верхомъ на ней не ѣздили. Въ Вавилоніи и Ассиріи, во всей Передней Азіи и въ Египтѣ мы знаемъ только о бояхъ на колесницахъ, а не верхомъ. Отъ Англіи до Индіи было распространено употребленіе боевыхъ колесницъ. Кто же впервые сѣлъ на лошадь, чтобы проскакать на ней по вольной степи? Ганъ утверждаетъ, что эта честь принадлежитъ какому-нибудь туранскому народу Центральной Азіи.

Переходимъ къ птицамъ. Въ этомъ отношеніи человѣкъ каменнаго вѣка былъ гораздо беднѣе насъ: правда, онъ зналъ и гуся, и утку; въ его озерахъ и рѣкахъ водился во множествѣ лебедь, въ лѣсахъ токовалъ тетеревъ, а въ лугахъ пѣла перепелка; но гусь еще не былъ домашней птицей и тогда, когда арійцы поселились на берегахъ Инда; голубь же и пѣтухъ пришли въ Европу всего лѣтъ за 500 до Р. Хр. Впрочемъ, въ прирученіи этихъ птицъ не было и надобности; дичь водилась въ изобиліи, и потому только иранскія религіозныя вліянія, о которыхъ рѣчь будетъ въ другомъ очеркѣ, занесли къ германскимъ, славянскимъ и литовскимъ племенамъ птицу смерти, голубя, и представителя солнца, пѣтуха.

Итакъ, отсутствіе домашней птицы не дѣлало столъ нашего предка бѣднѣе теперешняго. Чего ему, дѣйствительно, не хватало, такъ это нѣкоторыхъ культурныхъ растеній: рожь и овесъ пришли на западъ Европы довольно поздно, но въ теперешней Южной Россіи, поближе къ Каспійскому морю, они были извѣстны съ древнѣйшихъ временъ. Рожь такъ и не вышла изъ предѣловъ Россіи; зато овесъ проникъ на западъ уже въ эпоху бронзовой культуры и сдѣлался однимъ изъ главныхъ питательныхъ продуктовъ у кельтскихъ и германскихъ народовъ. Ни въ Индіи, ни въ Китаѣ не знаютъ ни ржи, ни овса. Совсѣмъ другое дѣло пшеница и просо. Первая легла въ основаніе

всей земледѣльческой культуры въ Египтѣ и Палестинѣ, гдѣ для бо́льшаго плодородія ее сажали въ грядки, какъ это дѣлали въ Вавилоніи и еще теперь дѣлаютъ въ Южной Аравіи; въ Китаѣ пшеница была введена, по лѣтописямъ, за 2800 лѣтъ до Р. Хр. Въ Европу она проникла, по мнѣнію Бушана, съ началомъ неолитической эпохи. Подъ конецъ ея пшеница далеко раскинула свои владѣнія по всей средней Европѣ, встрѣчаясь и въ Австріи, и въ Швейцаріи, и во Франціи; можетъ быть, лишь случай, что въ Швеціи пшеница попалась впервые въ бронзовомъ сосудѣ. Кромѣ пшеницы, въ неолитическихъ свайныхъ постройкахъ найдены ячмень и просо. Послѣднее распространилось, вѣроятно, изъ Центральной Азіи и принадлежитъ къ древнѣйшимъ злакамъ міра; культура проса восходитъ къ первымъ временамъ исторіи Китая, какъ и воздѣлываніе пшеницы; ячмень, какъ думаютъ, вышелъ изъ Передней Азіи. Такимъ образомъ, всѣ эти растенія проникли въ Европу тѣмъ же путемъ, какимъ распространялось знакомство съ рогатымъ скотомъ. Это была уже сравнительно поздняя эпоха человѣчества, когда оно уже давно оставило за собой первые попытки разводить огонь, приготовлять глиняные горшки безъ гончарнаго круга и отбивать камень для простѣйшихъ орудій. Массивныя, прекрасно отполированныя издѣлія изъ камня, аккуратно выдѣланные горшки, украшенные хитрымъ орнаментомъ, одежды изъ льна и шерсти, стада скота и полныя житницы хлѣба давали человѣку возможность жить гораздо болѣе комфортабельно, чѣмъ прежде, а „гдѣ досугъ, тамъ и знаніе", по выраженію Бокля. Человѣкъ освоился съ земледѣліемъ и началъ относиться къ нему такъ сознательно, что сталъ уже подумывать объ усовершенствованіи хлѣбныхъ растеній. „Въ младшую каменную эпоху Средней и Южной Европы", говоритъ Бушанъ (стр. 32): „являются сразу почти всѣ культурныя растенія, и притомъ въ сравнительно развитой формѣ". Въ ту же пору человѣкъ познакомился въ Европѣ съ чечевицей и бобомъ (былъ извѣстенъ и горохъ, но распространенъ онъ былъ мало), и вотъ Бушанъ отмѣчаетъ (стр. 215), что размѣры чечевичныхъ и бобовыхъ зеренъ въ археологическихъ находкахъ постепенно увеличиваются, что указываетъ на непрерывность ихъ культуръ въ такъ называемый каменный, бронзовый и желѣзный вѣка. Ленъ и шерсть давали нашимъ предкамъ матеріалъ для одежды; черешня и орѣхъ, плодами которыхъ наслаждались уже обитатели палеолитической Европы, яблоня, груша, терновникъ и слива, хотя

еще не были культивированы въ каменный вѣкъ, вѣроятно, угождали неприхотливому вкусу нашихъ предковъ не меньше, чѣмъ ягоды рябины, земляники, черники и малины, зерна которыхъ найдены въ свайныхъ постройкахъ.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ доисторической культуры я коснулся всего слегка, потому что ставилъ своей цѣлью не нарисовать первобытную культуру, а только отмѣтить ея общность во всей Европѣ и даже Азіи въ доисторическую эпоху. Можно ли послѣ этого изучать древности какого-либо народа независимо отъ древностей другого или внѣ связи съ общимъ изученіемъ эволюціи человѣческой культуры? Въ эту ошибку ученые впадали много разъ, когда строили свои зданія на матеріалѣ языка. Мы видимъ, что цѣлая наука, такъ называемая лингвистическая археологія, исходитъ изъ сопоставленія общихъ словъ въ родственныхъ языкахъ и отъ этого сопоставленія приходитъ къ выводу, что древнѣйшій народъ, потомками котораго являются родственныя народности, зналъ это слово, а стало быть и предметъ, названіемъ котораго слово служило. Этотъ методъ, въ извѣстныхъ случаяхъ законный и правильный, иногда приводитъ къ большой путаницѣ. Уже въ началѣ этого вѣка митрополитъ Евгеній, ученый чрезвычайно трезвый, выразился слѣдующимъ образомъ, осуждая этимологическія выходки Шишкова: „во всѣхъ языкахъ есть сходство; есть ли въ смежностяхъ языки въ чемъ-нибудь сходны, то это *по коммерціи*, а не по породѣ". Нѣтъ сомнѣнія, что именно коммерціи мы обязаны громаднымъ множествомъ сходныхъ словъ. Въ новыхъ языкахъ мы можемъ выдѣлить такъ называемыя заимствованныя слова, которыя составляютъ очень большой процентъ (до 50—75%) всякаго словаря; перенесемъ то же состояніе на древнюю эпоху языка, когда мы не можемъ разобраться въ заимствованіяхъ, и мы получимъ приблизительно вѣрное представленіе о значеніи торговыхъ и культурныхъ связей, соединявшихъ человѣчество со времени каменнаго вѣка. Языкъ обличаетъ культурныя сношенія народовъ. Въ такомъ краткомъ очеркѣ не мѣсто вдаваться въ лингвистическія подробности, но два три факта будутъ нелишними и здѣсь. Слово *соль* въ этой формѣ (*sol*) встрѣчается не только у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ (кромѣ персовъ и индусовъ), но и у финновъ; это прямое указаніе на то, что всѣ эти племена добывали соль изъ одного источника, можетъ быть, недалеко отъ моря, названіе котораго является точно также общимъ

у финскихъ и индоевропейскихъ народовъ. Подобно этому, много говорятъ названія металловъ: финны взяли у германцевъ имя золота (*kulta* изъ гот. *gulth*), литовцы получили его отъ римлянъ (*auksas* изъ *ausum*, древней формы, предшествовавшей *aurum*), и этотъ фактъ находится, несомнѣнно, въ связи съ торговлей янтаремъ. Римляне достигали по теченію Эльбы береговъ моря и покупали у жителей страны, литовскихъ соплеменниковъ, пруссовъ (у нихъ золото *ausis*). янтарь за золото (Ohlshausen. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropol., Ethnologie und Urgeschichte. 1890, стр. 284); золота въ до-римскую эпоху здѣсь не найдено. Съ торговлей янтаремъ связано и другое важное слово. Тацитъ называетъ янтарь *glaesum*, словомъ, чисто германскимъ (въ англосаксонскомъ языкѣ *glaere*—смола).

Наконецъ, иногда языкознаніе раскрываетъ передъ нами такіе широкіе горизонты на древнѣйшія передвиженія племенъ, какіе намъ можетъ дать еще развѣ только изученіе распространенія предметовъ культуры. Впрочемъ, здѣсь необходима величайшая осторожность, и всегда слѣдуетъ помнить, что созвучіе можетъ быть случайнымъ. Только группы одинаковыхъ словъ ручаются за достовѣрность сопоставленія. Недавно графъ де-Шаренси, ученый изслѣдователь этнографическихъ отношеній стараго и новаго міровъ, указалъ на рядъ сѣверно-азіатскихъ словъ, названій разныхъ животныхъ, которыя заводятъ насъ очень далеко. Изъ этихъ словъ (Revue de linguistique. Paris. 1899, стр. 261 — 263) я приведу остяцкое названіе лисицы: *вакшар*, съ которымъ поразительнымъ образомъ совпадаетъ коптское названіе шакала *башар*. Гезихій сообщаетъ, что ливійцы Βασσάρια τὰ ἀλωπέκια οἱ Λίβες λέγουσιν; въ различныхъ діалектахъ коптскаго языка шакалъ называется *вакари*. Въ разныхъ нарѣчіяхъ остяцкаго языка *loka* значитъ лисица; это слово тожественно съ венгерскимъ *rokas* (лисица) и очень близко къ цѣлой группѣ индо-европейскихъ словъ.

Не было ли въ древнѣйшія времена одного центра, изъ котораго распространилась высшая культура, какъ теперь такимъ центромъ служитъ западная Европа? Если такой центръ былъ, онъ долженъ былъ, непремѣнно, находиться въ Азіи, и именно или въ средней Азіи, гдѣ лежитъ родина большинства культурныхъ растеній, гдѣ уже въ древности былъ главный очагъ культа коровы, или въ Месопотаміи, гдѣ между Тигромъ и Евфратомъ развилась древнѣйшая, до-семитская цивилизація аккадійцевъ. Можетъ ли имѣть самостоятельное

происхожденіе китайская цивилизація? Но въ архитектурѣ и ирригаціонномъ искусствѣ Китая находятъ непосредственное воспоминаніе о подобныхъ же сооруженіяхъ въ Персіи и Ассиріи; китайское слово „умирать" значитъ буквально: „возращаться на западъ" и, какъ утверждаютъ, у китайцевъ существуетъ преданіе о приходѣ ихъ въ бассейнъ Желтой рѣки съ запада (см. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Почему китайцы рисуютъ демоновъ рыжеволосами. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1899, іюнь, стр. 345). Метрическія системы Китая и Вавилоніи имѣютъ много общаго; употребленіе цикла въ 60 лѣтъ, опредѣленіе идеальной длины человѣческой жизни въ 120 лѣтъ, названія нѣкоторыхъ созвѣздій, гаданіе по палкамъ и множество подобныхъ чертъ сближаютъ эти двѣ цивилизаціи. „Двѣнадцать пастырей", о которыхъ упоминаетъ древнѣйшая легендарная исторія Китая, представляются воспоминаніемъ о легендахъ Вавилоніи. Китайцамъ приписывается знакомство съ клинообразными надписями, въ ихъ преданіяхъ и миоахъ находятъ очень много общаго вавилонянамъ. Однимъ словомъ, съ начала 80-хъ годовъ образовалась (вѣрнѣе, возобновилась) цѣлая группа ученыхъ, которые отрицаютъ самостоятельное происхожденіе китайской цивилизаціи, и одни (Therien de la Couperie въ журналѣ Academy) утверждаютъ (Academy. 1886, авг. 6-го), что китайская цивилизація происходитъ изъ Вавилоніи чрезъ посредство Сузіаны, откуда вышли вожди племени *Bak*, предки китайцевъ; другіе же идутъ еще дальше и выводятъ всѣ древнія цивилизаціи (аккадійскую, египетскую и китайскую) изъ одного центра, откуда вышли „черноголовые" (въ отличіе отъ *бѣлокурыхъ* семитовъ, арійцевъ и автохтоновъ Китая, дисцевъ) предки этихъ народовъ. Опредѣлить сущность этихъ культуръ и доказать ихъ сродство: такова задача фундаментальнаго труда E. J. Simcox'a: „Primitive Civilizations or outlines of the history ownership in archaic communities" (London 1897). Эта книга, съ которой было бы очень полезно познакомить въ переводѣ или извлеченіи русское общество, подчеркиваетъ сильнѣйшимъ образомъ невозможность самостоятельнаго возникновенія трехъ сходныхъ цивилизацій: тогда пришлось бы говорить о сходствѣ послѣдствій, которыя связаны независимыми цѣпями событій съ тремя отдѣльными причинами. „Хотанъ и Персидскій заливъ—два пункта, между которыми возникла первобытная цивилизація: вопросъ только въ томъ, предположить ли одно происхожденіе ея или три", спрашиваетъ Симкоксъ. Мнѣ кажется, что мы не обязаны ставить вопросъ именно такъ. Древ-

нѣйшая исторія — исторія культурныхъ сношеній, нивеллировавшихъ человѣчество и создавшихъ одинаковую почву для одинаковыхъ растеній. Среди матеріала, собраннаго Терьеномъ де-ла-Куперн, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій фактъ. Одинъ изъ преемниковъ китайскаго царя, котораго этотъ ученый отожествляетъ съ вавилонскимъ Саргономъ I, „завоевалъ народъ Шоша (Суза?), который отказался платить дань солью, добываемою имъ путемъ кипяченія морской воды, и даже перебилъ его посольство". О значеніи торговли солью я уже говорилъ, и это извѣстіе китайской лѣтописи очень похоже на историческую правду. Впрочемъ, дѣло только въ томъ, правильно-ли прочтено имя Шоша.

А. Погодинъ.